

Р.А. Савчук

**ОСМЫСЛЕНИЕ ЦЕРКОВНОЙ ИСТОРИИ
В НАУЧНЫХ ИЗДАНИЯХ УКРАИНСКОЙ
ДИАСПОРЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1980-х гг.**

R.A. Savchuk

**UNDERSTANDING THE CHURCH HISTORY
IN ACADEMIC PUBLICATIONS OF THE UKRANIAN
DIASPORA IN THE SECOND HALF OF THE 1980s**

Аннотация. Исследование церковной историографии украинской диаспоры в современных условиях обострения межцерковных взаимоотношений, связанных с украинским геополитическим фактором, является весьма актуальным. Работы историков диаспоры, их взгляд и оценки прошлого имели большое значение для формирования мировоззрения ученых на Украине в условиях падения идеологического барьера и становления независимого государства. В центре настоящего исследования — публикации представителей украинской диаспоры в научных изданиях, приуроченные к празднованию тысячелетия крещения «Руси-Украины». Целью настоящей статьи является сравнительный анализ публикаций историков из диаспоры и представителей научных центров Европы и Америки второй половины 1980-х гг. по проблемам русской церковной истории, выяснение на его основе характера взаимоотношений профессиональной и непрофессиональной литературы, особенностей методологии церковно-исторических исследований ученых из диаспоры, их места в развитии украинской церковной историографии, роли в формировании исторического знания и представлений о прошлом Русской православной церкви на территории Юго-Западной Руси. В научной литературе специального исследования данных публикаций не предпринималось. На основе проведенного анализа удалось выяснить, что большее влияние на подходы и характер осмысления прошлого в работах украинских историков из диаспоры имела среда, в которой рождались и излагались те или иные положения. Для многих авторов характерна тесная связь идеологии, эмоционально-личностного восприятия с их научными начинаниями, а также смешение научного подхода с беллетристикой. Лишь выход за рамки националистической идеологии и следование строгой научной логике позволял создавать действительно ценные исторические

---

* *Савчук Руслан Александрович*, научный рецензент Издательского совета Русской Православной Церкви

Savchuk Ruslan Alexandrovich, Scientific Reviewer, Publishing Council of the Russian Orthodox Church
russ_sav@mail.ru

исследования. Для работ, созданных в русле слепого обоснования национально-идеологических установок, характерны следование признанным авторитетам, большая роль личностных оценок, эмоционального восприятия церковной истории. В исследованиях же, написанных в строго научном дискурсе, авторы уходят от односторонних оценок, большое внимание обращают на анализ исторических источников и стремятся интерпретировать факты прошлого в широком контексте всемирно-исторического процесса.

Ключевые слова: «Гарвардские украинские исследования», «Украинский историк», тысячелетие крещения Руси, Русская православная церковь, христианизация Руси, исторические мифы.

Abstract. The study of the church historiography of the Ukrainian diaspora in the situation of the exacerbation of interchurch relations associated with the Ukrainian geopolitical factor is highly relevant. The works and views of diaspora historians were of great importance for the formation of the worldview of scholars in the Ukraine after the ideological barrier fell and the independent state was constituted. This research focuses on the publications of representatives of the Ukrainian diaspora in academic journals in honor of the millennium of Christianization of “Rus’-Ukraine”. The purpose of this article is a comparative analysis of publications of the diaspora historians and representatives of academic centers in Europe and America in the second half of the 1980s on the issues of Russian church history, a study of the nature of the relationship between professional and non-professional literature, the peculiarities of the methodology of church historical research of the diaspora scholars, their role in the development of the Ukrainian church historiography and knowledge of the history of the Russian Orthodox Church in South-Western Russia. No such study has been conducted so far. The author argues that the environment in which certain ideas were born and published had a great impact on approaches and understanding of the past in the works of the Ukrainian diaspora historians. Many of them are written under strong ideological influence, they express a very emotional attitude to the research subject and mixes the scientific approach with fiction. While real historical research was characterized by the full rejection of nationalist ideology and strict adherence to logic, the authors who blindly endorsed the nationalistic ideology adhered to “recognized” authorities, undetached attitudes, and emotional perception of church history. The studies with strictly scientific discourse avoid one-sided opinions, pay great attention to the analysis of historical sources and seek to interpret the facts of the past in the broad context of the world historical process.

Keywords: “Harvard Ukrainian Studies”, “Ukrainian Historian”, Millennium of the Christianization of Rus’, Russian Orthodox Church, Christianization of Rus’, historical myths.

* * *

Тысячелетие крещения Руси, которое праздновалось в 1988 г., было воспринято украинской диаспорой как событие важнейшего исторического значения. Разнообразие культурных, общественных и научных мероприятий, организованных многочисленными учреж-

днями діаспори в Западній Європі і на американському континенті, сприяли появі наукових і популярних видань, присвячених історії християнства на території сучасної України. Все це впливало на розвиток української історичної думки, яка в період кризи марксистської парадигми історії і з початком становлення сучасного українського державства, активно шукала опори серед представників наукового суспільства діаспори¹.

На велике значення публікацій представників діаспори, приурочених до «Тисячеліття хрещення Русі-України», в становленні сучасної української історіографії вказували багато авторів². Однак повноцінного аналізу конкретних видань, співвідношення в них ідеологічної парадигми і наукового осмислення в спеціальній науковій літературі практично не здійснювалося.

Український науковий інститут Гарвардського університету в рамках святкування Тисячеліття хрещення Русі-України організував 18–24 квітня 1988 р. Міжнародний конгрес в Равенні. В цьому заході взяли участь 55 доповідачів з 19 країн. Матеріали конгресу були надруковані в вигляді окремого (XII/XIII) тому «Українських гарвардських досліджень»³. Головними редакторами видання виступили відомі діячі української діаспори Омелян Прицак і Ігорь Шевченко. Хоча більшість авторів опублікованих матеріалів не належали до діаспори, а представляли значимі наукові центри Європи і Америки, тим не менше, включення цього видавничого проєкту в контекст святкування Тисячеліття хрещення діаспорою дозволяє розглядати його як певний вектор розвитку наукової історичної думки в рамках більш широкого історіософського процесу в середовищі української діаспори. Важливо і те, що авторитет видання, яке включає публікації академічних учених з усього світу, був визнана представниками діаспори. А значить, аналіз загального контексту вказаного тому, порівняння його з іншими публікаціями представників діаспори дозволить більш чітко відокремити ідеологічні наслідки, чужі науковій об'єктивності, в роботах українських істориків діаспори.

---

¹ См.: *Калакура Я.С.* Українська історіографія: Курс лекцій. Київ, 2004. С. 397, 403–405.

² См.: Там же. С. 397; *Ластовський В.В.* Між суспільством і державою. Православна церква в Україні наприкінці XVII — у XVIII ст. в історії та історіографії. Монографія. Київ, 2008. С. 107; *Дроконова О.Н.* Національна історія на експорт: український досвід // *Вісник НВГУ*. 2017. № 2. С. 91–100; *Ричка В.М.* Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрещення Русі-України. Мюнхен, 1988/1989 // *Український історичний журнал*. 1991. № 12. С. 149–151.

³ *Harvard Ukrainian studies*. 1988/1989. Vol. XII/XIII. 894 p.

Первый аспект, на который хотелось бы обратить внимание при сравнении трудов историков диаспоры и мирового академического сообщества, касается проблематики исторических исследований. В контексте внутренней для диаспоры историософской мысли любая церковно-историческая проблема носит ярко выраженный полемический характер с элементами модернизации и искусственной привязки к современным национально-политическим реалиям. К примеру, Н. Богатюк, анализируя в своей публикации Устав князя Владимира в его многочисленных списках и редакциях разного времени, стремится прежде всего доказать, что разные редакции Устава на юге и севере Руси указывают на то, что «между киевско-украинским и суздальско-московским христианством были существенные отличия»⁴. Акцент на различия южного («украинского») и северного («российского») христианства, церковных традиций, менталитета в отрицательно-полемическом тоне характерен как для работ, касающихся церковно-исторической проблематики⁵, так и философско-мировоззренческой⁶.

Однако выход из узких рамок национально-полемического подхода позволяет и ученым из диаспоры создавать весьма качественные и ценные научные исследования. В этом контексте прежде всего хочется обратить внимание на вводную лекцию, прочитанную Игорем Шевченко на Конгрессе в Равенне и опубликованную затем в упоминаемом томе «Украинских гарвардских исследований»⁷. Историк дает прекрасный материал для понимания общего контекста крещения Руси и корректной интерпретации исторических источников, связанных с этим событием. Значительная часть доклада посвящена особенностям отражения византийских миссий в разных источниках. Автор приходит к обоснованному выводу, что упоминания о крещении «Руси» в византийских источниках следует воспринимать в общем контексте житийной и исторической литературы того времени. Таким образом, можно проследить в «русских» сюжетах реальные исторические факты и литературные топосы, которые встречались и в других сюжетах. С помощью такого подхода к анализу источников И. Шевченко обосновано интерпретирует

---

⁴ Богатюк М. Устав Володимира Великого і суспільно-економічні зносини з Церквою // Ювілейний збірник. С. 122.

⁵ См.: Цюцюра Т.Б. Церква і держава в Київській Русі. Проблематика державності і статусу Церкви // Ювілейний збірник. С. 848–862; Падох Я. Церква й держава в добі Гетьманщини // Ювілейний збірник. С. 706–731; Антонович М. Українська Православна Церква в XVIII і XIX століттях // Ювілейний збірник. С. 288–300.

⁶ См.: Ярмусь С. Духовість українського народу. Вінніпег, 1983. 227 с.

⁷ Sevchenko I. Religious Missions: Seen from Byzantium // Harvard Ukrainian studies. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 7–27.

свидетельства летописи о требовании императором Византии военной помощи у княгини Ольги, раскрывает смысл отдельных деталей повести о проповеди философа перед князем Владимиром, а также разъясняет контекст рассказа летописи о том, как скорбели матери детей, отобранных Владимиром для «научения книжного». Наконец, автор заключает, «что крещение Руси было локальным вариантом — конечно, сложным — общей картины, которая могла быть прослежена на протяжении половины тысячелетия. Внимание к образцу может помочь нам лучше понять как сам вариант, так и местные источники, сообщающие о нем»⁸.

Строгая научная выдержанность, отсутствие неуместных полемических выпадов характерна и для публикации Омельяна Прицака «На заре христианства на Руси: Восток встречается с Западом»⁹. Автор сосредотачивает свое внимание на анализе жития св. Стефана Сурожского в широком контексте исторических процессов в Европе конца VIII в. и приходит к выводу, что в этот период начался процесс индивидуального (или группового) принятия христианства русами-норманами (викинги, варяги), связанными с Крымом, Старой Ладогой и Киевом.

Еще один яркий пример выхода из узких рамок национально-полемиического подхода — публикация известного деятеля диаспоры Мирослава Лабуньки «Религиозные центры и их миссии в Киеве и Киевской Руси: от Ольги до Владимира»¹⁰. Подводя итоги, автор говорит об исторических реалиях формирования общей цивилизации для всей Руси, а не выделяет, как принято среди историков диаспоры, «развитую» «Украину-Русь» и медленно развивающийся Север: «Принятие христианства в византийско-греческой форме означало юрисдикционное подчинение церкви на Руси Константинопольскому патриархату. Это также означало политическое и культурное сближение с Византийской империей. Таким образом, Византийская греческая цивилизация стала отцовской (патеральной, *paternal*. — *P.C.*) цивилизацией для государства Руси, а затем и для трех восточноевропейских славянских народов: украинцев, белорусов и русских. Тем не менее, молодая сыновняя цивилизация развила свои собственные оригинальные черты, которые сделали ее славянской, а не греческой»¹¹.

---

⁸ Ibid. P. 24–27.

⁹ *Pritsak O.* At the Dawn of Christianity in Rus': East Meets West // // Harvard Ukrainian studies. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 87–113.

¹⁰ *Labunka M.* Religious Centers and Their Missions to Kievan Rus': From Ol'ga to Volodimer // Harvard Ukrainian studies. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 159–193.

¹¹ Ibid. P. 187.

Взвешенный научный подход при анализе исторических памятников, связанных с Церковью Киевской Руси, без идеологического подтекста можно найти и в публикации А. Авенариуса «Митрополит Иларион о происхождении христианства на Руси: проблема трансформации византийского влияния»¹². В историографии диаспоры «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона безапелляционно представляется как совершенно оригинальное произведение, свидетельствующее о сформированной национальной идеологии Украины-Руси, которая якобы имеет свои глубокие исторические корни и лишь отчасти связана с византийским культурным влиянием¹³. Однако А. Авенариус, опираясь на анализ лексических и смысловых особенностей памятника в широком контексте исторических реалий того времени, убедительно доказывает, что «Слово о законе и благодати» следует воспринимать не с позиций сформированной автономистской идеологии Руси, а в широком контексте усвоения Русью византийской культуры. Философия «Слова», как утверждает автор, «была далека от анти-Византийской. Главная аксиома — признание византийского экуменического учения и присоединение Русской церкви к Константинопольскому патриархату — осталась нетронутой». Произведение митрополита Илариона, по мнению А. Авенариуса, свидетельствует лишь о «начале длительного процесса сознательного приспособления византийского влияния к местным условиям, одновременно очерчивая его формы, способы и средства»¹⁴.

Даже, казалось бы, напрямую связанный с современными политическими реалиями вопрос борьбы за киевское наследие князя Андрея Боголюбского, который рассматривается в работе Я. Пеленского¹⁵, изложенный в строго научном дискурсе, не приобретает той полемической и эмоционально-окрашенной национальной остроты, как это представляется в работах историков диаспоры. Следует отметить, что Я. Пеленский очень тесно связан с украинской диаспорой, является членом различных ее научных учреждений и иностранным членом Национальной академии наук Украины. Однако взвешенный научный подход без апелляции к современным национально-по-

---

¹² *Avenarius A. Metropolitan Ilarion on the Origin of Christianity in Rus': The Problem of the Transformation of Byzantine Influence // Harvard Ukrainian studies. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 689–701.*

¹³ См.: *Янів В. Ідеал української людини на підставі першоджерел літератури // Ювілейний збірник праць Наукового Конгресу у 1000-ліття Хрищення Руси-України. Мюнхен, 1988/1989. С. 606–629; Ярмусь С. Кордоцентризм — підстава української духовності й філософії // Ювілейний збірник. С. 402–417.*

¹⁴ *Avenarius A. Op. cit. P. 698.*

¹⁵ *Pelenski J. The Contest for the "Kievan Succession" (1155-1175): The Religious-Ecclesiastical Dimension // Harvard Ukrainian studies. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 761–780.*

литическим реалиям позволил автору представить обоснованные выводы по сложной исторической проблеме. К примеру, если говорить об интерпретациях деятельности князя Андрея Боголюбского среди авторов диаспоры, то Д. Бурко, называя Андрея Боголюбского «князем Московии», красочно описывает грабежи и издевательства над киевлянами «диких суздальцев», которые, по его мнению, намного превосходили варварства монголо-татар¹⁶. В противовес откровенно идеологическому подходу к оценке деятельности князя Андрея Боголюбского, Я. Пеленский сосредотачивает внимание на анализе исторических источников и тех оценок, которые давали князю его современники. Для исследователя походы Владимирского князя на Киев, попытки учредить особую Владимирскую митрополию вписываются в широкий контекст идеологической борьбы за Киевское наследие удельных князей Руси. Конечно, Я. Пеленский обращает внимание на разные подходы к историописанию в Киеве и Владимиро-Суздальской земле, когда пишет, что киевские книжники «не колеблясь приняли всё Киевское наследство, потому что считали себя его законными наследниками», а «авторы/редакторы Суздальско-Владимирской летописи избирательно использовали Киевские материалы и адаптировали их к своим политическим и идеологическим потребностям»¹⁷. Однако автор не придает отличиям этих традиций характера национально-культурного противостояния Юга и Севера Руси.

Следует выделить еще один важный срез истории христианства на Руси, который в работах историков диаспоры подвержен идеологическим искажениям. Представители международного академического сообщества при характеристике исторических обстоятельств принятия христианства не привязывают, как это часто делают украинские историки, особенности распространения новой веры к территории современных государств исторической Руси. К примеру, автор диаспоры В. Косик утверждал, что «при Владимире христианство распространилось только на всей территории сегодняшней Украины»¹⁸. Л. Винар в контексте рассказа о значении принятия христианства для развития культуры Руси пишет, что при князьях Владимире и Ярославе «староукраинское школьничество встало в Киеве на твердую почву, а после 988 года распространило свою образовательную сеть

---

¹⁶ Бурко Д. Українська автокефальна Православна Церква — вічне джерело життя. Саут-Бавнд-Брук, 1988. С. 12; см. также: Янів В. Наш Конгрес з нагоди Тисячоліття // Ювілейний збірник. С. 902.

¹⁷ Pelenski J. Op. cit. P. 780.

¹⁸ Косик В. Тисячоліття християнства в Україні (988–1988). Брюссель; Лондон, 1987. С. 35.

на другие города средневековой Украины»¹⁹. А Т.Б. Цюцюра, ссылаясь в своей публикации на работы византолога Д. Оболенского, хотя и высоко ценит его выводы о характере идейного восприятия Руси средневековой византийской элитой, все же берется уточнить, что к международному христианскому сообществу того времени нельзя относить «всю Русь», но только «украинскую Среднюю Надднепрянщину», исключив из Руси ее северные земли — современную Россию²⁰.

В противовес такому подходу процесс христианизации в исследованиях представителей международного академического сообщества представляется как сложное нелинейное историческое явление, весьма растянутое во времени, со своими сложностями во всех регионах Руси, а не только на Севере. Его особенности в разных местах связываются не с умозрительными и часто надуманными для того времени национальными характеристиками регионов, а с конкретными социальными, бытовыми, политико-экономическими факторами. Так, Витторио Пери указывает: «Медленное формирование народа и постепенное замещение сознания и институтов, индивидуальных и коллективных, первобытных верований новой общей религией требует времени и духовной свободы. Новое и оригинальное культурное воздействие, которое вызывает такое преобразование, неизбежно настраивается как процесс, не линейный, не автоматический. В этом конкретном и историческом смысле можно сказать, что Крещение Руси, первое тысячелетие которого празднует наше поколение, не может даже сегодня считаться завершенным событием»²¹. А Генрик Бирбаум при анализе исторического контекста христианизации Новгорода указывает, что сложности этого процесса были связаны не с менталитетом Северной Руси, а вписывались в общий восточно-славянский контекст: «Как и в остальной части Киевского государства, язычество оставалось сильной и стойкой силой в повседневной жизни Новгорода <...> Даже после того, как христианство фактически восторжествовало, различные формы “двоеверия”, апеллирующие как к христианским символам, так и к языческим силам и ищущие утешения у тех и других, продолжались в Новгороде в течение столетий, как и в других местах среди восточных славян и в славянском мире в целом»²².

---

¹⁹ *Винар Л. П.* Християнізація України і розвиток писемної культури й освіти в Києві в X і XI століттях // Ювілейний збірник. С. 648.

²⁰ *Цюцюра Т.Б.* Указ. соч. С. 853–854.

²¹ *Peri V.* La brama e lo zelo della Fede del popolo chiamato “Rhos” // *Harvard Ukrainian studies.* 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 131.

²² *Birnbaum H.* When and How was Novgorod Converted to Christianity? // *Harvard Ukrainian studies.* 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 526.

Наконец, следует сказать о восприятии конгресса в Равенне и его значения среди активных деятелей диаспоры. Уже А. Жуковский, подводя итоги научных и общественных мероприятий диаспоры, с сожалением признавал, что «многие из участников конгресса в Равенне не разделяют в своих исследованиях украинскую точку зрения относительно принадлежности периода Киевской Руси к истории Украины и тем самым приписывают крещение России»²³. А В. Жила посвятил даже отдельную статью анализу идейного контекста конгресса, которая была опубликована в журнале «Украинский историк»²⁴. Автор с неким разочарованием пишет как об идейно-организационной, так и о содержательной стороне форума. С точки зрения идейной организации В. Жилу возмутили упоминания о «России», патриархе Пимене в приветствиях некоторых лиц. Еще более серьезным недочетом организаторов он счел тот факт, что абсолютное большинство профессоров употребляли в своих докладах термины «Россия», «русский/российский» (Rhos, Russia, Russian), а термин «Украина» не фигурировал ни в одном заголовке.

С точки зрения содержательной, В. Жила критикует авторов за слишком широкий взгляд на проблему и отсутствие внимания к внутреннему стремлению самого народа и власти Руси к принятию христианства: «Тот факт, что на Руси не было византийских миссий для обращения страны в Христову веру, указывает на одну значительную истину, что желание принять Христову веру вышло с самой Руси. Оно стало необходимостью самого народа и его политической власти. Этот вопрос нужно было обязательно разработать, поскольку это самая оригинальная характеристика христианизации Руси...». В этих оценках с большой степенью очевидности проявляется та узость мировоззрения, связанная с идеологически направленным и эмоционально-личностным восприятием истории, которая часто мешает историкам диаспоры объективно и беспристрастно оценивать историческую реальность. Характерно, что ученые-профессионалы из среды диаспоры, очевидно, понимали неуместность гипертрофированного акцента на поисках «украинского» в объективной реальности прошлого. Ведь, как с возмущением писал В. Жила, не раз организаторы конгресса останавливали чрезмерно «патриотичные» реплики и послы некоторых гостей²⁵. Впрочем, в иной среде, не требующей столь ответственного и профессионального отношения

---

²³ Жуковский А. Підсумки відзначення тисячолітнього ювілею хрещення Русі-України // Український історичний журнал. 1993. № 1. С. 145.

²⁴ Жила В. Під прапором Тисячоліття (Враження з Равеннського Наукового Конгресу) // Український історик. 1989. Т. 26. № 1-3 (101-103). С. 74-81.

²⁵ Там же. С. 75-77.

к своим словам и взглядам, общему идеологическому настрою поддавались и профессиональные ученые из диаспоры.

Обратимся к анализу еще одного профессионально-исторического издания украинской диаспоры, в котором церковно-историческая тема активно обсуждалась в связи с празднованиями «Тысячелетия крещения Украины». Речь пойдет о статьях, размещенных в журнале «Украинский историк».

Данную серию публикаций открывает статья Юрия Кныша «К вопросу о влиянии мефодиевской архиепархии на раннее киевское христианство»²⁶. Публикация интересна не только оригинальностью выдвинутого автором альтернативного прочтения исторических источников, но и методологическим подходом при работе с источниками, который характеризуется оторванной от научного подхода свободой интерпретаций и умозаключений. Историк принимается за попытку доказать непосредственное влияние «Мефодиевской церковной организации на развитие староукраинской церковной духовности»²⁷.

По мнению Ю. Кныша, во второй половине IX в. Киев был уже значимым христианским центром с глаголичной традицией христианской литературы. Здесь была вполне развитая церковная организация, учрежденная непосредственными учениками св. Мефодия. На основании каких источников автор выдвигает такую оригинальную концепцию истории «староукраинского» христианства? Сам Ю. Кныш признает, что «на первый взгляд староукраинские документы не поощряют к положительной развязке» в этом вопросе²⁸. Для того, чтобы обосновать столь смелую гипотезу автор принимается, в первую очередь, критиковать существующие исторические источники. Он обвиняет начальных летописцев в тенденциозности и целенаправленном обслуживании интересов отдельных кланов. В результате этого и были утрачены все известия о начальном христианском периоде и выдвинут вперед авторитет князя Владимира.

Ю. Кныш утверждает, что в 1113 г. в Киеве произошла «революция», когда вместо старой аристократии власть захватили средняя и низшая знать²⁹. Результатом этого стала новая идеология летописания, где уже можно найти, по мнению автора, отголоски правды о давней истории киевского христианства. Таким образом, обвинив существующие местные «официальные» источники в целенаправ-

---

²⁶ Кныш Ю. До питання впливу методіївської Архиепархії на раннє кївське християнство // Український історик. 1988. Т. 25. № 1–4 (97–100). С. 43–57.

²⁷ Там же. С. 44.

²⁸ Там же. С. 46.

²⁹ Там же. С. 44–45.

ленной фальсификации истории, Ю. Кныш с помощью свободной интерпретации туманных упоминаний в арабских, византийских и других средневековых источниках предпринимается за построение своей оригинальной гипотезы, полностью основанной на его собственных догадках и умозаключениях.

На основании сообщения жития св. Мефодия о его поездке в Константинополь и благоприятном приеме у императора и патриарха автор выстраивает целую вереницу идей. При этом он даже не замечает, что единственным обоснованием последующих идей выступают предыдущие, не имеющие никакого подтверждения в источниках. Так, Ю. Кныш считает, что в указанном эпизоде жития речь идет о переговорах императора со святым по поводу «христианизации Киевщины и смежных с нею земель». Какие основания имеются для такого вывода? Основание только одно: автору кажется, что такое объяснение сути константинопольской поездки св. Мефодия является наиболее логичным с точки зрения возможных интересов Византии и использования для их реализации миссии святого. Далее Ю. Кныш принимается угадывать суть разговоров императора со святым: «Главные линии согласия можно легко угадать»³⁰. Автор заключает, что в результате достигнутых договоренностей Византия окончательно утвердила свою церковную власть над Киевом, а св. Мефодий получил от императора поручение по организации в Киеве специальной литургической школы, что и было в скором времени сделано.

Существенно отличается от работы Ю. Кныша своим методологическим подходом и опорой на источники опубликованная на английском языке статья А. Сидоренко «О раннем киевском христианстве»³¹. Автор, прежде всего, обращает внимание на чрезвычайную скудость и неясность источников о раннем периоде христианизации Киева до князя Владимира: «История раннего христианства в Киеве изобилует пробелами, нестыковками и противоречиями, которые одновременно бросали вызов и приводили в замешательство прошлую и новейшую науку. Несмотря на огромное значение христианства в историческом становлении восточных славян, относительно мало известно даже о некоторых самых элементарных аспектах этой проблемы... Большая скудость источников создает неопределенную картину, и научные споры не утихают»³². На основе анализа существующих источников и в связи с отсутствием иных сведений автор

---

³⁰ Там же. С. 55–56.

³¹ *Sydorenko A. On early kievian Christianity // Український історик. 1988. Т. 25. № 1–4 (97–100). С. 72–81.*

³² *Ibid.* P. 72.

приходит к выводу, что «трудно согласиться» с утверждением очень популярного церковного историка диаспоры М. Чубатого, что «в 944 г. Украина уже была наполовину христианской и наполовину языческой»³³. А. Сидоренко обосновано полагает, что «вопреки утверждению некоторых ученых, славянская миссия святых Кирилла и Мефодия не оказала существенного влияния на Русь. Киевское христианство, таким образом, оставалось вне византийского прямого влияния, подчиняясь чисто местным соображениям. Владимир всё это изменил и ввел Киевскую Русь-Украину в русло цивилизованного европейского сообщества наций»³⁴.

Для сравнения можно привести мнение У. Тридголда из его статьи посвященной ранним контактам Руси с Византией, опубликованной в упоминаемых выше «Украинских гарвардских исследованиях». Автор заключает: «Когда и каким образом Русь стала врагом мадьяр и хазар, а также когда и каким образом Русь ранее вступила в контакт с Византией, летописи не дают нам возможности строить догадки»³⁵. О необходимости коррелировать свои предположения о раннем периоде христианства на Руси с источниками говорит и упоминаемый выше М. Лабунька, когда пишет об одном из популярных предположений: «Это предположение логично, но у нас нет прямого подтверждения его в источниках»³⁶. Сопоставляя методологию работы с источниками и выводы профессиональных академических авторов с фонтанирующим идеями текстом Ю. Кныша, можно увидеть, что именно отход от объективного научного анализа и опоры на источники дает возможность некоторым историкам диаспоры подчинять исторические факты идеологически окрашенным и личностно-эмоциональным оценкам и предположениям.

Некоторые выводы А. Сидоренко можно сопоставить с выводами другой публикации в «Украинском историке», статьи известного историка диаспоры Т. Мацькива «На самом ли деле княгиня Ольга приняла христианство в Царьграде?»³⁷. Т. Мацькив, рассмотрев существующие в исторической литературе гипотезы о месте крещения княгини Ольги, приходит к выводу, что поддержанное М. Грушевским и другими авторитетными историками, в том числе из диаспоры, мнение о крещении княгини в Киеве является единственно верным логическим объяснением исторических реалий того

---

³³ Ibid. P. 78.

³⁴ Ibid. P. 83.

³⁵ *Treadgold W. Three Byzantine Provinces and the First Byzantine Contacts with the Rus' // Harvard Ukrainian studies. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 133.*

³⁶ *Labunka M. Op. cit. P. 181.*

³⁷ *Мацьків Т. Чи кн. Ольга справді прийняла християнство в Царгороді? // Український історик. 1989. Т. 26. № 1–3 (101–103). С. 43–49.*

времени³⁸. Для нас представляет интерес методологическая сторона работы Т. Мацькива: из текста видно, что главным инструментарием для историка в работе с историческими фактами является логика автора в сопоставлении фактов и событий, а также опора на авторитет. Глубокий критический анализ источников практически не предпринимается. А. Сидоренко, напротив, больше сфокусирован на работе с источниками. Он пишет: «Проблема с этим аргументом заключается в том, что ни один источник не упоминает других мест, кроме Константинополя... Таким образом, как бы это ни было интригующе, возможность того, что Ольга была крещена в Киеве, а не в Константинополе, должна быть отвергнута из-за отсутствия доказательств»³⁹. Оксфордский профессор Д. Оболенский в своей публикации «Обращение Ольги: пересмотр доказательств» также говорит о необходимости опираться на существующие источники: «О крещении Ольги в Константинополе есть в наших источниках впечатляющая степень согласия. В каждом из документов, упоминающих о ее крещении, — Начальная летопись, Память и похвала русскому князю Владимиру, летопись Скилица и отчет Адальберта о его миссии — говорится, что она была крещена в византийской столице. Ни один средневековый источник не утверждает иного»⁴⁰.

Весьма интересным представляется исследование А. Жуковского «Вклад Киевской духовной академии и ее “Трудов” в культурную и богословскую сферы»⁴¹. Прежде всего, автор обращает внимание на оценки деятельности Киевской духовной академии XIX — начала XX в. в украинской национальной историографии. Практически все историки отзывались крайне неодобрительно об этой деятельности в связи с ее «русификаторской» направленностью. Интересно, что сам А. Жуковский обращает внимание, во-первых, на необъективность такой односторонней оценки, когда авторы отказываются признать бесспорные научные и культурные заслуги академии из-за идеологических убеждений преподавателей и официального курса администрации. Во-вторых, исследователь указывает, что «формированию такого отношения немало способствовала украинская литература» в лице А. Свидницкого и И. Нечуя-Левицкого, которые в своих художественных произведениях дают нелицеприятные характеристики академии. Другим источником подобного отношения

---

³⁸ Там же. С. 49.

³⁹ *Sydorenko A.* Op. cit. С. 80.

⁴⁰ *Obolensky D.* Olga's Conversion: The Evidence Reconsidered // *Harvard Ukrainian studies.* 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 153.

⁴¹ *Жуковский А.* Вклад Київської духовної академії її «Трудів» на культурно-му і богословському відтинках // *Український історик.* 1988. № 1–4 (97–100). Т. 25. С. 84–91; 1989. № 1–3 (101–103). Т. 26. С. 50–64.

являлись личные воспоминания и оценки бывших воспитанников учебного заведения⁴². В контексте настоящего исследования выводы А. Жуковского важны прежде всего тем, что подтверждают предположение о большом влиянии на украинскую национальную историографию личностно-эмоциональных факторов, образов и отношений к действительности, сформированных в художественной и публицистической литературе, сквозь призму которых зачастую историки оценивали факты и события прошлого.

Указывая на необъективность большинства украинских историков в отрицательной оценке деятельности Киевской духовной академии после ее реорганизации царским правительством в начале XIX столетия, А. Жуковский пишет: «Однако мы бы допустили не меньшую ошибку, если бы не обратили внимания и на некоторые положительные изменения, которые произошли в организации и учебной системе КДА». По словам исследователя, именно благодаря реформе Киевская академия превратилась в исключительно высшее учебное заведение, что дало возможность для более профессиональной деятельности преподавателей и для получения более качественных знаний воспитанниками⁴³. Далее автор рассматривает разные аспекты деятельности академии, обращая внимание на то, что хотя все Киевские митрополиты этого периода были россиянами, но «некоторые из них зарекомендовали себя как добрые попечители, администраторы и как ученые-исследователи истории церкви на Украине и самой Академии»⁴⁴. Отмечая особые заслуги трех профессоров Киевской духовной академии — Николая Петрова, Степана Голубева и Федора Титова — в контексте предубежденного отношения к ним со стороны украинской национальной историографии из-за их неприятия идей украинского автономизма, А. Жуковский утверждает: «Всё же объективно надо указать, что в целом в их творчестве было больше положительного, чем вредного для общего украиноведения, и поэтому следует уравнивать оценку с глобальным осуждением их в украинофобстве»⁴⁵.

Подводя итоги анализу историографии украинской диаспоры второй половины 1980-х гг., посвященной церковной истории, в контексте общемирового научного дискурса, можно отметить следующее. Для работ профессиональных украинских историков, посвященных рассмотрению конкретных научных проблем и при этом лишенных неуместной полемической направленности и личностно-

---

⁴² Там же. 1988. № 1–4 (97–100). Т. 25. С. 84–85.

⁴³ Там же. С. 86.

⁴⁴ Там же. С. 89.

⁴⁵ Там же. 1989. № 1–3 (101–103). Т. 26. С. 55.

емоциональних характеристик, характерні дійсно високий рівень і новизна. Однак вихід за рамки строго наукового дискурсу і розгляд історических реалій з точки зору національної ідеології в її прочтенні діаспорою превращає багато робіт в псевдонаукову публіцистику. Характерною рисою методології подібних робіт є вільна інтерпретація джерел, опора на обрані авторитети і відсутність критичного аналізу. Во багато концентрує на пошуку унікального, неповторимого, обов'язково укорененого в місній традиції і лінійного, обґрунтованого сучасну національну картину регіону, полемічний характер в ущерб широкому і науково обґрунтованому погляду на історическу реальність, передбачає визнання нелінійності і багатогранності історических процесів, к сожалению, превращає навіть дійсно талановиті початки в оторвані від загального науково-історического процесу, обмежені і місцеві, призначені обслуговувати прийнятну автором ідеологію, а не слідувати науковій об'єктивності.

References

Antonovych M. *Ukrayins'ka Pravoslavna Tserkva v XVIII i XIX stolittiyakh* [The Ukrainian Orthodox Church in the 18th and 19th Centuries] // *Yuvileynyy zbirnyk prats' naukovooho konhresu u 1000-littya khreshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee Collection of Works of the Academic Congress Dedicated to the 1000th Anniversary of the Christianization of Rus'-Ukraine]. Munich: Buch- und Kunstdruckerei, 1988/1989. P. 288–300.

Avenarius A. *Metropolitan Ilarion on the Origin of Christianity in Rus': The Problem of the Transformation of Byzantine Influence* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 689–701.

Birnbaum H. When and How was Novgorod Converted to Christianity? // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 505–530.

Bohatyuk M. *Ustav Volodymyra Velykoho i suspil'no-ekonomichni znosyny z Tserkvoyu* [The Charter of Vladimir the Great and Socio-Economic Relations with the Church] // *Yuvileynyy zbirnyk prats' naukovooho konhresu u 1000-littya khreshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee Collection of Papers of the Academic Congress Dedicated to the 1000th Anniversary of the Christianization of Rus'-Ukraine]. Munich: Buch- und Kunstdruckerei, 1988/1989. P. 108–135.

Burko D. *Ukrayins'ka avtokefal'na Pravoslavna Tserkva — vichne dzherelo zhyttya* [The Ukrainian Autocephalous Orthodox Church, the Eternal Source of Life]. South Bound Brook: Vydavnychyy fond Vladyky Mstyslava, 1988. 390 p.

Drokonova O.N. *Natsyonal'naya ystoryya na eksport: ukrayn'skyy opyt* [National History for Export: Ukrainian Case] // *Vestnyk Nyzhnevartovskoho gosudarstvennoho unyversyteta*. 2017. № 2. P. 91–100.

Kalakura Ya.S. *Ukrayins'ka istoriohrafiya: Kurs lektsiy* [Ukrainian Historiography: A Course of Lectures]. Kiev: Heneza, 2004. 496 p.

Knysh Yu. *Do pytannya vplyvu metodyiv's'koyi arkhyeparkhiyi na rannye kyyivs'ke khrystyianstvo* [On the Influence of the Methodius's Archdiocese on Early Kiev Christianity] // *Ukrayins'kyi istoryk*. 1988. Vol. 25. № 1–4 (97–100). P. 43–57.

Kosyk V. *Tsyacholittya khrystyianstva v Ukrayini (988–1988)* [The Millennium of Christianity in Ukraine (988–1988)]. Brussels; London: Ukrayins'ka ofsetna pechatnya, 1987. 103 p.

Labunka M. *Religious Centers and Their Missions to Kievan Rus': From Ol'ga to Volodimer* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 159–193.

Lastovs'kyi V.V. *Mizh suspil'stvom i derzhavoyu. Pravoslavna tserkva v Ukrayini naprykintsi XVII — u XVIII st. v istoriyi ta istoriografii* [Between Society and the State. The Orthodox Church in the Late 17th–18th-century Ukraine in History and Historiography]. Kiev: Feniks; NKPIKZ, 2008. 496 p.

Mats'kiv T. *Chy kn. Ol'ha spravdi pryynyala khrystyianstvo v Tsarhorodi?* [Was Princess Olga Really Converted to Christianity in Constantinople?] // *Ukrayins'kyi istoryk*. 1989. Vol. 26. № 1–3 (101–103). P. 43–49.

Obolensky D. *Ol'ga's Conversion: The Evidence Reconsidered* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 145–158.

Padokh Ya. *Tserkva y derzhava v dobi het'manshchyny* [The Church and the State in the Period of the Hetmanate] // *Yuvileynyy zbirnyk prats' naukovoho konhresu u 1000-littya khreshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee Collection of Papers of the Academic Congress Dedicated to the 1000th Anniversary of the Christianization of Rus'-Ukraine]. Munich: Buch- und Kunstdruckerei, 1988/1989. P. 706–731.

Pelenski J. *The Contest for the "Kievan Succession" (1155–1175): The Religious-Ecclesiastical Dimension* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 761–780.

Peri V. *La brama e lo zelo delia Fede del popólo chiamato "Rhos"* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 114–131.

Pritsak O. *At the Dawn of Christianity in Rus': East Meets West* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 87–113.

Rychka V.M. *Yuvileynyy zbirnyk prats' naukovoho konhresu u 1000-littya khreshchennya Rusy-Ukrayiny. Myunkhen, 1988/1989* [Jubilee Collection of Papers of the Academic Congress Dedicated to the 1000th Anniversary of the Christianization of Rus'-Ukraine. Munich, 1988/1989] // *Ukrayins'kyi istorychnyy zhurnal*. 1991. № 12. P. 149–151.

Sevcenko I. *Religious Missions: Seen from Byzantium* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 7–27.

Sydorenko A. *On Early Kievan Christianity* // *Український історик*. 1988. T. 25. № 1–4 (97–100). C. 72–81.

Treadgold W. *Three Byzantine Provinces and the First Byzantine Contacts with the Rus'* // *Harvard Ukrainian Studies*. 1988/1989. Vol. XII/XIII. P. 132–144.

Tsyutsyura T.B. *Tserkva i derzhava v Kyyivs'kiy Rusi. Problematyka derzhavnosti i statusu Tserkvy* [The Church and the State in Kievan Rus'. The Issues of Statehood and Status of the Church] // *Yuvileynyy zbirnyk prats' naukovoho konhresu u 1000-littya khreshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee Collection of Papers of the Academic Congress Dedicated to the 1000th Anniversary of the Chris-

tianization of Rus'-Ukraine]. Munich: Buch- und Kunstdruckerei, 1988/1989. P. 848–862.

Vynar L.R. *Khrystyyanizatsiya Ukrayiny y rozvytok pysemnoyi kul'tury y osvity v Kyievi v X i XI stolittiyakh* [Christianization of the Ukraine and the Development of Written Culture and Education in Kiev in the 10th and 11th Centuries] // *Yuvileynyy zbirnyk prats' naukovoho konhresu u 1000-littya khreshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee Collection of Papers of the Academic Congress Dedicated to the 1000th Anniversary of the Christianization of Rus'-Ukraine]. Munich: Buch- und Kunstdruckerei, 1988/1989. P. 630–677.

Yaniv V. *Ideal ukrayins'koyi lyudyny na pidstavi pershodzherel literatury* [The Ideal of the Ukrainian according to Primary Sources of Literature] // *Yuvileynyy zbirnyk prats' naukovoho konhresu u 1000-littya khreshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee Collection of Papers of the Academic Congress Dedicated to the 1000th Anniversary of the Christianization of Rus'-Ukraine]. Munich: Buch- und Kunstdruckerei, 1988/1989. P. 606–629.

Yaniv V. *Nash konhres z nahody Tysyacholittya* [Our Congress on the Occasion of the Millennium] // *Yuvileynyy zbirnyk prats' naukovoho konhresu u 1000-littya khreshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee Collection of Papers of the Academic Congress Dedicated to the 1000th Anniversary of the Christianization of Rus'-Ukraine]. Munich: Buch- und Kunstdruckerei, 1988/1989. P. 899–909.

Yarmus' S. *Dukhovist' ukrayins'koho narodu* [Spirituality of the Ukrainian People]. Winnipeg: Tovarystvo “Volyn”, 1983. 227 p.

Yarmus' S. *Kordotsentryzm — pidstava ukrayins'koyi dukhovosti y filosofiyi* [Cordocentrism as the Foundation of Ukrainian Spirituality and Philosophy] // *Yuvileynyy zbirnyk prats' naukovoho konhresu u 1000-littya khreshchennya Rusy-Ukrayiny* [Jubilee Collection of Papers of the Academic Congress Dedicated to the 1000th Anniversary of the Christianization of Rus'-Ukraine]. Munich: Buch- und Kunstdruckerei, 1988/1989. P. 402–417.

Zhyla V. *Pid praporom Tysyacholittya (vrazhennya z Ravenns'koho naukovoho konhresu)* [Under the Banner of the Millennium (Impressions from the Ravenna Academic Congress)] // *Ukrayins'kyy istoryk*. 1989. Vol. 26. № 1–3 (101–103). P. 74–81.

Zhukovs'kyy A. *Pidsumky vidznachennya tysyacholitn'oho yuvileyu khreshchennya Rusy-Ukrayiny* [The Results of the Celebration of the Millennium Anniversary of the Christianization of Rus'-Ukraine] // *Ukrayins'kyy istorychnyy zhurnal*. 1993. № 1. P. 140–151.

Zhukovs'kyy A. *Vklad Kyivys'koyi dukhovnoyi akademiyi i yiyi “Trudiv” na kul'turnomu i bohoslavs'komu vidtynkakh* [The Contribution of the Kiev Theological Academy and its “Proceedings” in the Fields of Culture and Theology] // *Ukrayins'kyy istoryk*. 1988. Vol. 25. № 1–4 (97–100). P. 84–91; 1989. Vol. 26. № 1–3 (101–103). P. 50–64.

Поступила в редакцию
14 сентября 2020 г.